

Инфантьев Порфирий Павлович

**Тамыр; Хива и ее население.
Рассказ из жизни среди
туркмен и хивинцев. Очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
Тамыр; Хива и ее население. Рассказ из жизни среди туркмен и хивинцев.
Очерк / Инфантьев Порфирий Павлович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
50 с.

ISBN 978-5-519-87127-3

ISBN 978-5-519-87127-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

глубокими, что движеніе не только обоза, но и пѣхоты оказалось почти невозможнымъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что отрядъ съ половины дороги принужденъ былъ возвратиться, потерявъ изъ 4.000 человѣкъ, участвовавшихъ въ немъ, болѣе 3.000, т.-е. болѣе трехъ четвертей отряда, около 12.000 верблюдовъ и до 800 лошадей, а также весь транспортъ и орудія, которыя пришлось или уничтожить, или бросить въ степи.

Этотъ несчастный походъ еще болѣе укрѣпилъ хивинцевъ въ ихъ безопасности и безнаказанности, а русское правительство пришло къ заключенію, что проникнуть въ Хиву съ войскомъ невозможно ни зимой ни лѣтомъ.

Однако къ началу 70-хъ годовъ наше положеніе въ Средней Азійи измѣнилось много къ лучшему. Къ этому времени мы владѣли уже Туркестаномъ, Кокандомъ, Бухарой и восточнымъ побережьемъ Каспійскаго моря, и такимъ образомъ Хивинское ханство со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ южной части, было окружено русскими владѣніями.

Однако, благодаря нашимъ прежнимъ неудачамъ, хивинцы были увѣрены въ своей безнаказанности и продолжали нападать на наши окраины и грабить мирныхъ жителей.

Среди киргизъ, кочевавшихъ на границѣ руссійскихъ владѣній, происходили постоянныя волненія и колебанія. Одна часть тянула къ хивинцамъ и желала полного отдѣленія отъ Россіи, другая, болѣе благоразумная, была на сторонѣ Россіи.

II.

Среди киргизовъ у меня въ то время было много знакомыхъ и даже друзей. Я родился и выросъ среди киргизскаго населенія и воспитывался въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ было также много киргизскихъ мальчиковъ. По-

стоянно вращаясь съ киргизскими дѣтьми, я научился довольно бѣгло болтать по-киргизски, поэтому всегда встречалъ радужный пріемъ даже среди совершенно незнакомыхъ мнѣ киргизовъ, когда приходилось бывать у нихъ въ степи по дѣламъ.

Между прочимъ, среди моихъ сверстниковъ-киргизовъ у меня былъ даже одинъ тамыръ, по имени Аладжанъ, съ которымъ я еще во время ранней юности заключилъ, по киргизскому обычаю, неразрывную дружбу на всю жизнь.

Обычай тамырства у киргизовъ заключается въ слѣдующемъ. Желаящіе сдѣлаться тамырами, т.-е. друзьями, закрѣпляютъ свою дружбу тѣмъ, что обнимаются и прижимаютъ другъ друга къ голой груди черезъ обнаженный мечъ, причемъ даютъ клятву всегда и во всемъ помогать другъ другу. Тамыръ можетъ взять у своего друга любую, понравившуюся ему вещь, и владѣлецъ этой вещи не въ правѣ отказать ему; даже и тогда, когда выборъ тамыра падетъ на его дочь, которую онъ потребуетъ себѣ въ жены, тамыръ долженъ ее выдать за него. Отказъ въ этомъ случаѣ явился бы вызовомъ на вѣчную непримиримую вражду, сопровождающуюся у киргизовъ обыкновенно барантай, т.-е. взаимнымъ угономъ другъ у друга скота, и кровавой мстью.

И вотъ, будучи еще подростками, когда такъ вѣрится въ дружбу, мы заключили съ Аладжаномъ это тамырство и рѣшили свято блюсти дружбу до самой смерти. Конечно, я не сталъ бы требовать руки дочери моего друга, если бы она у него была, но я все-таки старался быть вѣрнымъ и неизмѣннымъ его другомъ; онъ, какъ я былъ увѣренъ, со своей стороны, отвѣчалъ мнѣ такой же привязанностью. Мы оба сильно желали чѣмъ-либо доказать искренность своихъ чувствъ и намѣреній не на словахъ только, а и на дѣлѣ; но, къ сожалѣнію, такого случая не представлялось, и приходилось ограничиваться лишь мелкими услугами.

Аладжану, какъ и мнѣ, было всего 25 лѣтъ, но онъ

уже лѣтъ семь какъ былъ женатъ и въ тотъ годъ, съ котораго начинаются разсказываемыя событія, кочевалъ со своими табунами лошадей и стадами барановъ въ Киргизской степи, неподалеку отъ линіи, гдѣ былъ расположенъ нашъ батальонъ. Въ свободное отъ службы время я довольно часто навѣщалъ его, и мы вмѣстѣ отправлялись на охоту.

Аладжанъ былъ сынъ богатаго киргизскаго бія (судьи).

Киргизская кочевка.

Отецъ его велъ торговлю съ Бухарой и Хивой, пользовался значительнымъ вліяніемъ на окружающихъ киргизовъ и былъ сторонникомъ Россіи, поэтому у него было много враговъ въ противномъ лагерѣ, старавшихся вредить ему. Однако это ничуть не смущало умнаго стараго киргиза: онъ совершенно открыто защищалъ всѣ выгоды для киргизовъ отъ подданства Россіи, а никакъ не Хивѣ.

Однажды, въ какой-то праздничный день, я отправился по обыкновенію въ кочевку моего тамыра, чтобы поохотиться вмѣстѣ съ нимъ въ степи. Была середина апрѣля, погода

стояла прекрасная, и степь только-что одѣлась въ свой пышный весенній нарядъ. Переходъ отъ зимы къ лѣту въ киргизскихъ степяхъ бываетъ чрезвычайно быстро. Еще какихъ-нибудь недѣли полторы-двѣ назадъ эта степь представляла собою совершенно однообразную, покрытую снѣгомъ равнину, на широкомъ просторѣ которой вихремъ крутили снѣжныя вьюги,—и вотъ, стоило постоять нѣсколькимъ теплымъ днямъ, какъ картина сразу же измѣнилась: снѣгъ исчезъ, и угрюмая нагота равнинъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, покрылась сплошнымъ ковромъ, сотканнымъ изъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ.

Я всегда любилъ это первое пробужденіе весны въ степи и испытывалъ особое наслажденіе нестись верхомъ на конѣ по необозримой зеленѣющей равнинѣ, вдыхать полной грудью свѣжій ароматъ ея цвѣтовъ и чувствовать вокругъ себя при-волье и свободу. Въ особенности хороша бываетъ степь по утрамъ: въ ней есть въ это время какое-то необъяснимое очарованіе.

— Знаешь что?—сказалъ Аладжанъ, когда мы, закусивъ пилавомъ и напившись кумысу, приготовились отправиться на охоту:—не лучше ли было бы тебѣ военную-то форму снять и переодѣться въ киргизскую одежду,—можешь взять у меня, сколько угодно. А то теперь, самъ знаешь, какое время. Тутъ рыщутъ не одни только враждебные русскимъ киргизы, но и хивинцы. Завидятъ русскаго офицера,—какъ бы травлю на тебя не учинили.

— Вотъ вздоръ какой! Что ты меня трусомъ, что ли, считаешь?—возразилъ я.

— Зачѣмъ трусомъ; но осторожность никогда не мѣшаетъ.

— Спасибо за совѣтъ. Нѣтъ, къ чему этотъ маскарадъ! Пусть нападутъ, однимъ приключеніемъ больше, вотъ и все,—разсмѣялся я.

— Ну, какъ знаешь,—замѣтилъ Аладжанъ.

Мы пробыли на охотѣ до вечера и застрѣлили нѣсколько дрохвъ, утокъ и гусей, такъ что возвратились на кочевку съ полными ягдташами.

Было уже около полуночи, когда послѣ обильнаго ужина, сооруженнаго намъ хозяйкою Аладжана, я собрался возвращаться домой.

— Оставайся ночевать; теперь опасно ночью возвращаться, — сталъ опять уговаривать меня мой другъ.

Киргизы за обѣдомъ.

— Благодарю; но завтра мнѣ рано на дежурство; остаться ночевать не могу. А относительно опасности, — это на что? — указалъ я на семизарядный револьверъ, которые тогда только что появились.

— Такъ я тебя провожу до лагерей, — сказалъ та-мырь.

— И не выдумывай. Маленькій я, что ли? Уже больше полуночи, ты и такъ утомился на охотѣ, надо спать. Нѣтъ, другъ, провожать не надо: доѣду и одинъ.

И, несмотря на настойчивыя предложенія Аладжана, я

категорически отказался отъ его проводовъ, даже чуть не поспорилъ съ нимъ изъ-за этого.

Мы разстались. Вскочивъ на лошадь, я поѣхалъ крупной рысью. Ёхать мнѣ нужно было все степью, верстъ десять, по едва виднѣвшейся, проложенной колесами неуклюжей киргизской арбы, колеѣ. Ночь была довольно свѣтлая, лунная. Я проѣхалъ уже около половины дороги, оставалось не болѣе пяти верстъ до мѣста, какъ вдругъ навстрѣчу мнѣ показалось нѣсколько всадниковъ, ѣхавшихъ по той же самой дорогѣ. „Вѣроятно, люди изъ кочевки Аладжана возвращаются“, — подумалъ я.

Всадники приближались. Вотъ при лунномъ свѣтѣ я сталъ уже ясно различать ихъ фигуры. Ихъ было человекъ семь, но, судя по одеждѣ и въ особенности по длиннымъ, круглымъ мерлушковымъ шапкамъ на головахъ, это были не киргизы, а скорѣе туркмены.

Мною стало овладѣвать беспокойство. Я тихонько вытащилъ изъ кобуры на всякій случай револьверъ, но съ дороги не свернулъ въ сторону, а продолжалъ ѣхать прямо на всадниковъ, чтобы не подать виду, что я ихъ боюсь.

— Кто такой? Куда ѣдешь? — спросилъ по-киргизски передовой всадникъ, поровнявшись со мной и останавливая лошадь.

— Офицеръ русской службы; а вы кто такіе? — спросилъ я, въ свою очередь, не останавливая лошади.

— Офицеръ!? — съ нескрываемою радостью разомъ повторили нѣкоторые изъ всадниковъ, загораживая мнѣ дорогу конями и окружая меня.

— Эй, прочь съ дороги! — вскричалъ я, направляя дуло револьвера на загородившаго мнѣ дорогу головорѣза и видя, что дѣло тутъ пахнетъ не шуткой.

— Куда спѣшишь? Подожди немного, поговоримъ, — сказалъ, сворачивая съ дороги, всадникъ. — Вишь какой сердитый!

Я прищпорилъ лошадь, чтобы проскочить мимо этихъ людей, но вдругъ почувствовалъ, что ловко заброшенный на мою шею арканъ сдавилъ мнѣ горло, и, судорожно сжавъ собачку у револьвера и выстрѣливъ на воздухъ, я, точно куль, шлепнулся на землю и потерялъ сознание.

III.

Когда я очнулся, было уже свѣтло. Я оказался лежащимъ поперекъ сѣдла на скачущей лошади, связанный по рукамъ и ногамъ. Позади меня сидѣлъ туркменъ, правившій лошадыю. Лежать мнѣ было страшно неудобно; я испытывалъ ужасныя мученія, все тѣло мое казалось разбитымъ. Я сталъ просить своего мучителя, чтобы онъ далъ мнѣ возможность сѣсть поудобнѣе, но, вмѣсто отвѣта, получилъ такой ударъ, что больше не захотѣлъ унижаться. Возлѣ насъ скакало еще нѣсколько всадниковъ, очевидно, тѣ самые, съ которыми у меня произошла роковая встрѣча.

Туркмены ѣхали все время галопомъ и до самого вечера не останавливаясь на отдыхъ; повидимому, они опасались погони. Нужно было удивляться выносливости туркменскихъ лошадей, скакавшихъ безъ передышки по цѣлымъ днямъ.

Но вотъ въ степи показалась раскинутая у небольшого ручья кочевка, къ которой и подъѣхали всадники, приветствуемые радостными возгласами находившихся на кочевкѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Оказалось, что всѣ они были изъ этой же самой кочевки.

Меня стащили съ лошади, но, чтобы я не могъ убѣжать, надѣли мнѣ на шею желѣзный ошейникъ и привязали короткою цѣпью, какъ собаку, къ крѣпкому столбу и, какъ собакъ же, бросили нѣсколько костей для утоленія голода.

Но, повидимому, туркмены и здѣсь не чувствовали себя въ безопасности, потому что на другой же день снялись со

стоянки и отправились далѣе на югъ, по направленію къ Усть-Урту.

Убѣдившись, что всѣ мои кости цѣлы и никакихъ особыхъ поврежденій на моемъ тѣлѣ нѣтъ, туркмены уже не сочли нужнымъ сажать меня верхомъ на лошадь, а одинъ изъ нихъ привязалъ къ моему ошейнику длинную веревку

Туркмены-текинцы.

и, прикрѣпивъ другой ея конецъ къ лукѣ своего сѣдла, заставилъ меня бѣжать слѣдомъ за своей лошадыю.

И такъ изо дня въ день, въ продолженіе двухъ недѣль, мы двигались, лишь съ небольшими остановками, по направленію къ югу, пока не достигли залива Кара-Бугасъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ туркмены расположились на болѣе продолжительную стоянку.

Какъ за русскаго офицера, туркмены надѣялись получить за меня съ русскаго правительства большой выкупъ и потому тотчасъ же по прибытіи на Кара-Бугасъ дали знать черезъ своихъ людей русскимъ властямъ, что у нихъ въ

плѣну находится офицеръ, взятый около Орска, который можетъ быть отпущенъ ими лишь за извѣстное вознагражденіе.

Но мнѣ было извѣстно, что ничего изъ этого не выйдетъ, такъ какъ въ то время русское правительство, не желая поощрять этотъ промыселъ хивинцевъ, рѣшило никого не выкупать. Я зналъ объ этомъ, но, конечно, молчалъ.

Однажды,—дѣло было уже подъ осень,—къ нашей кочевкѣ подошелъ караванъ хивинскихъ купцовъ, возвращавшійся изъ Россіи по направленію къ Хивѣ. Узнавъ, что здѣсь есть русскій плѣнникъ, за котораго хозяева кочевки надѣются получить выкупъ, хивинцы стали разувѣрять ихъ, что никакого выкупа русское правительство не дастъ, что они сами читали и видѣли объявленія объ этомъ, что оно скорѣе пошлетъ въ степь вооруженную карательную экспедицію, чѣмъ вступить въ торгъ по этому дѣлу, а потому имъ лучше быть подальше отъ береговъ Каспійскаго моря.

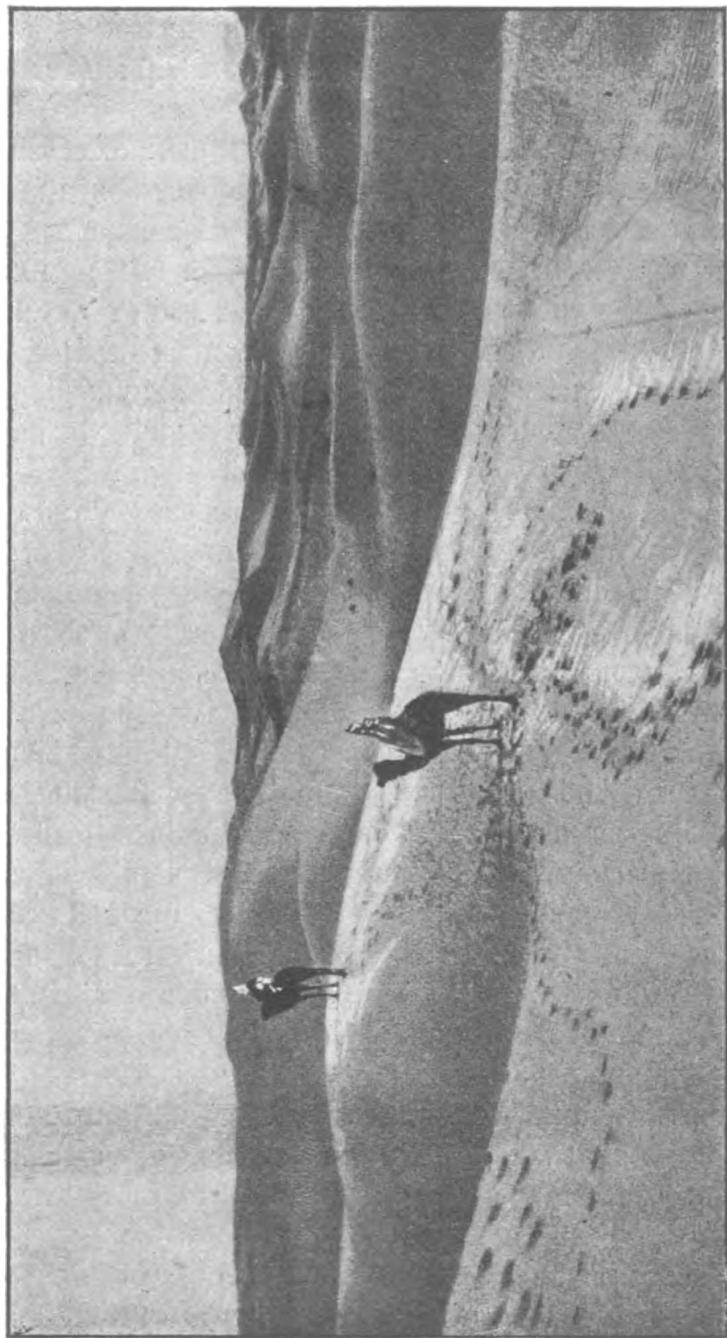
— Такъ что же намъ дѣлать съ этой собакой? Остается одно—убить ее,—вскричали разочарованные туркмены.

— Зачѣмъ убивать? Продайте мнѣ, а я перепродамъ его въ Хивѣ,—сказалъ одинъ изъ хивинскихъ купцовъ.

Меня окружили покупатели и съ любопытствомъ начали разглядывать, причемъ обращались со мной такъ, какъ обращаются барышники при покупкѣ лошади: раскрывали мнѣ ротъ и смотрѣли, цѣлы ли зубы; щупали крѣпость моихъ мускуловъ и, держа за веревку, привязанную къ моему ошейнику, били меня кнутомъ и заставляли прыгать и дѣлать разныя тѣлодвиженія, точно желая опредѣлить степень моей подвижности и рѣзвости. Наконецъ одинъ изъ покупщиковъ предложилъ туркменамъ какую-то сумму, и торгъ состоялся. Я перешелъ во владѣніе хивинца.

На слѣдующій же день караванъ отправился въ дальнѣйшій путь, лежавшій черезъ ужасную пустыню Кара-Кумъ.

Хивинецъ, какъ и туркмень, не посадилъ меня на вер-

Пустыня.